

Индивид и террор

Лео Лёвенталь

1949

Существует распространённое мнение, что фашистский террор является преходящей исторической фазой, которая, к счастью, уже позади. Я не могу присоединиться к этому мнению, поскольку рассматриваю террор как глубоко укоренившийся в динамике современной цивилизации и, в особенности, научной организации. Нежелание досконально изучить феномен террора во всех его аспектах само по себе служит одним из неприметных симптомов террора. Несомненно, для тех, кто живёт в условиях террора, практически невозможно размышлять о нём и тем самым расширить свои познания о нём. Тем не менее, это едва ли является достаточным объяснением удивительной сдержанности, если не отрицания, которыми столь ценящий факты западный мир отвечает на тоталитарный террор. Хотя ему всегда были доступны надёжные источники, Запад мгновенно закрыл глаза на проявления фашистского террора, пока ему не пришлось обратить внимание на раскрытые в Освенциме, Бухенвальде, Берген-Бельзене и Дахау преступления. Западный мир и по сей день (1946 г.) избегает фактов о том терроре, который последовал за окончанием войны. Распространённому в подвергшихся террору странах и служащему самосохранению оцепенению в так называемом «свободном мире» соответствует психическое вытеснение — неосознанное бегство от правды.

Современная система террора означает атомизацию индивида. Мысль о последствиях и воздействиях телесных истязаний наполняет нас отвращением; не менее ужасающе их значение для психики. Задействованное террором расчеловечивание заключается, в первую очередь, в тотальной интеграции населения в парализующие межчеловеческую коммуникацию коллективы — несмотря или, как раз, как следствие самого громоздкого коммуникационного аппарата, воздействию которого люди отныне подвержены. В условиях террора индивид никогда не один и всегда одинок. Он окостеневаеет и отупевает не только в отношениях со своими ближними, но по отношению к самому себе. Страх воспрещает ему спонтанные эмоциональные и мыслительные реакции. Сам акт мышления становится глупостью: он опасен для жизни. Было бы глупо не быть глупым, и как следствие этого всеобщее оглупление охватывает запуганное население. Люди впадают в ступор, напоминающий состояние моральной комы. Основными чертами террора я вижу следующее:

1. Непосредственность и всемогущество

Одной из основных функций террора является уничтожение любого рационального соотношения между правительственными решениями и личной судьбой. Характерные для начальной стадии тоталитарного террора массовые аресты, смешение в концентрационных лагерях по самым разнообразным причинам людей самого разнообразного происхождения, убеждений и религии служит стиранию личных различий и претензий к властному аппарату. Качественного различия, обычно создающегося между приговорёнными заключёнными и остальным населением, не существует между жертвами террора в концлагерях и людьми снаружи. Принцип выборки при массовых арестах, кажущийся столь иррациональным, основывается на террористическом расчёте. Вопрос индивидуальной цены является столь же неважным, насколько безнадёжной является надежда на временно ограниченное наказание.

Концентрационные лагеря куда более репрезентативны в отношении к составу населения по составу своих заключённых, чем традиционные тюрьмы. Этот факт подтверждается ещё и тем обстоятельством, что заключённые концлагеря полежат надзору не небольшой группы специализированных служащих, а определённым отрядам тайной полиции, которая одновременно угнетает и всё население целиком.

Это уничтожение причинно-следственной связи между отдельным поступком и возникающими из-за него последствиями для индивида является одной из основных целей современного террора, собственно:

2. Крахом непрерывного опыта

С крахом законной рациональности и её чёткого значения для индивидуальной судьбы сама она становится непредсказуемой и теряет тем самым свой специфический смысл. Индивид не знает, что ему предстоит, а уже пережитое утрачивает всяческое значение для его личности и его будущего. Нормальный ритм жизненных фаз от молодости до старости, из воспитания, карьеры, успеха или неуспеха упразднён. Творческие возможности фантазии и воспоминаний теряют свой смысл и, в конечном итоге, чахнут, т.к. они не способны подействовать желаемому изменению жизненных условий индивида. Разумеется, трансформация человека из индивида, сущность которого означает постоянство опыта и воспоминаний, в простой узел отдельных реакций имеет более глубокие последствия среди заключённых беззащитных жертв террора, чем среди «свободного» населения. Разница, однако, является лишь градуальной, и если мы подтверждаем нашу теорию только сообщениями из лагерей, то не стоит забывать, что население в целом знало о массовых арестах и терроре в концлагерях. И, таким образом, жертвами террора были не только евреи, «коммунисты», поляки и т.д., но — согласно намерению — действительно все.

Курт Бонди, немецкий психолог, который и сам был некоторое время заключённым концлагеря, описывал крах опыта и воспоминания так: «Наиболее деморализующим образом воздействует неясность продолжительности заключения... Человек пытается забыть. Прошлое постепенно становится неопределённым и туманным, образ семьи и друзей размывается... В этом — корни безнадёжности, апатии, равнодушия, отчаяния, недоверчивости, эгоцентризма». (Kurt Bondy, Problems of Interment Camps, Journal of Abnormal and Social Psychology, 1943)

Жизнь становится цепочкой ожидаемых, избегаемых или претерпеваемых потрясений, и этот фрагментированный опыт приводит к фрагментации индивида. В террористическом обществе, где всё спланировано до мелочей, план для индивида заключается в том, что никакого плана нет. Таким образом индивид превращается просто в объект, в связку условных рефлексов, при помощи которых он реагирует на бесчисленные манипулируемые и распланированные потрясения.

3. Крах личности

Личная коммуникация становится незначимой в системе, в которой жизнь сводится к цепочке не связанных друг с другом реакций и шоковых переживаний. На место сверх-Я, инстанции совести, заступает Гитлер-Я, как мне хотелось бы его назвать, в котором создаваемые совестью ограничения деятельности замещаются подавлениями и импульсами, производимыми исключительно механическими реакциями и имитациями. Ни терроризируемый, ни террорист не остаются личностями в традиционном смысле этого слова. Они, в конечном счёте, являются просто материалом, приспособляющимся к ситуациям, которые создаются совершенно независимой от них силой. Бежавший из Освенцима заключённый рассказывал, как лагерная система «разрушает все социальные связи в жертвах и сводит умственную деятельность к боязливому желанию продлить выживание, будь то на один день или на один час».

Бруно Беттельгейм, недобровольный наблюдатель в двух концентрационных лагерях, точно проанализировал этот процесс разрушения, который заканчивается утратой элементарных импульсов. По его собственным словам: «Для новых заключённых внешний мир, который жил дальше, будто ничего не произошло, состоял из людей, которых они знали как друзей и родных. Но даже эта ненависть к их предполагаемому равнодушию едва ли существовала у более старших заключённых. Казалось, что будто бы вместе с этой способностью любить своих ближних, они также утратили и способность ненавидеть их — они стали неспособны вообще выказывать сильные чувства к кому-либо». (Bruno Bettelheim, Individual and Mass Behavior in Extreme Situations, in: Journal of Abnormal and Social Psychology, 1943)

Похожее упрощение личности до связки условных рефлексов наблюдался и у сотрудников охраны. Янкель Вирник описывает в своей книге «Один год в Треблинке» приспешников террора как автоматы, не знающие ни раскаяния, ни сострадания, и исполнявших свои обязанности, как только начальник нажимал на кнопку. Беттельгейм описывает процесс дегуманизации следующими словами: «Так как они воспитывались в мире, где жестокость осуждалась, им было неприятно делать то, что они делали. Казалось, что в них развилось чувство нереальности по отношению к своим актам жестокости. После того, как они прослужили некоторое время надсмотрщиками в лагере, они привыкали к своему бесчеловечному поведению — они развивали „условный рефлекс“ и он таким образом становился частью их „настоящей“ жизни».

Ошеломляет доказательный материал, который предоставляют сами эти автоматы бесчеловечности во время происходящих в Германии судов над военными преступниками. Они сознаются в самых ужасных преступлениях, не демонстрируя при этом ни малейшего чувства вины. Они настаивают на том, что их бесчеловечное поведение оправдано приказами их начальства.

4. Борьба за выживание

Старая культурная система абстрактной философской метафизики вплоть до институтов религии и воспитания представляла собой идеологию рационального поведения, включавшего в себя уважение к правам, претензиям и нужде других как необходимое условие собственного выживания. В рамках террористической системы подобное поведение было бы равнозначно самоуничтожению. Терроризм разрушает причинно-следственную связь между социальным поведением и выживанием и сталкивает индивида с голой природной силой — т.е. со ставшей не-природной природой в образе всемогущего террористического аппарата. Целью террора и террористических актов является вынудить людей к настолько всеобъемлющему приспособлению к своему принципу, чтобы они знали лишь одну цель: самосохранение. Чем больше люди без зазрения совести думают лишь о собственном выживании, тем более они превращаются в психологические марионетки системы, не имеющей иной цели, кроме удержания власти.

Бывшие заключённые концентрационных лагерей подтверждают этот регресс к элементарному социал-дарвинизму. Бонди сообщает: «Стремление к самосохранению, страх, голод и жажда приводят к полному изменению личности у большинства заключённых... Во многих случаях исчезало само чувство ответственности за других людей, а одновременно с ним и всяческое ощущение общей судьбы. Так, некоторые заключённые вели дикую, безоглядную и совершенно безнадежную борьбу за своё выживание». (Bondy, 1943)

5. Превращение в «сырьё»

Одним из самых сильных страхов повелителей террора является то, что их жертвы снова могут восстановить осознание своей принадлежности к единому человеческому обществу. Тотальная победа тоталитаризма была бы равнозначна тотальной утрате понимания истории людьми, которые, неспособные к какой-либо рефлексии, становятся, таким образом, «сырьём». Гитлер сформулировал это недвусмысленно: «Я хочу, чтобы молодёжь была жестокой и неустрашимой, склонной повелевать и применять силу. И молодёжь должна стать такой. Она должна мужественно переносить любую боль. У нас не должно быть никаких слабостей, никаких нежностей. Её глаза должны вновь загореться блеском великолепной, вольной хищности. Я хочу, чтобы моя молодёжь была сильной и прекрасной. Я буду воспитывать её всеми возможными физическими упражнениями. Я хочу, чтобы она была атлетической. Это самое главное, самое важное. Таким образом я отбракую людей, окончательно одомашнившихся за прошедшие тысячелетия. Таким образом я получу чистый, благородный природный материал. Таким образом я смогу создать нечто новое». (Герман Раушнинг, *Говорит Гитлер. Зверь из бездны*, 1993)

Если отбросить все приукрашивающие прилагательные, мы получаем классическую формулировку фашистских средств и целей. Человечество, после того как его в очередной раз укротят, станет частью природного богатства и, тем самым, действительно сырьём, который можно по желанию добывать и использовать или же уничтожать и выбрасывать прочь. Современный терроризм всегда рассматривает человека либо с точки зрения монополиста, оценивающего природные богатства, либо с точки зрения могильщика, прикидывающего, как избавиться от ставших бесполезными человеческих останков. В рассказах, описывающих прибытие заключённых

в восточноевропейские концлагеря, чётко иллюстрируется эта позиция: «С одной стороны мы сдавали наш багаж, с другой нам пришлось раздеться и сдать наши одежду и ценные вещи. Голыми мы прошли в следующий барак, где нам побрили и продезинфицировали головы и лица лизолом. На выходе каждый из нас получил номер... С этими номерами в руках нас загнали в третий барак, где происходила регистрация. „Регистрация“ заключалась в том, что эти номера нам нататуировали на груди. После того, как каждый предоставил информацию о своей персоне, нас группами по сто человек отправили в подвал, а затем в другой барак, где мы получили полосатую одежду и деревянные ботинки». (Die Judenausrottung in Polen. Augenzeugenberichte. Dritte Serie. Genf 1944)

Аналогия между обращением с человеческими существами и товаром при проверке инвентаря ужасающа и убедительна. В каждом случае речь идёт о спланированном мероприятии с пригодными или непригодными для определённых целей материалами. По свидетельствам очевидцев процесс регистрации был усовершенствован настолько, что отбирался только действительно полезный человеческий товар. Тот, кто не получал номера, выбраковывался и уничтожался. И как во всякой перенаселённой администрации, каждый отказывался принимать ответственность за какие-либо ошибки. Даже когда товар ошибочно признавался бракованным, его уничтожали: «Т.к. заключённые сортировались не по именам, а по номерам, легко происходили ошибки с ужасающими последствиями. Если „писарь“ случайно отмечал какой-то номер, который относился к ещё ещё живому человеку, как „мёртвый“ — ошибка, которая легко могла произойти в ситуации столь высокой смертности —, ошибка эта исправлялась тем, что носителя номера убивали». Вирник описывает сведение индивида к никчёмности потенциальной падали: «Люди прибывали и исчезали, смерть без конца. Я научился видеть в каждом живом человеке будущий труп. Глазами я оценивал его вес, кому придётся нести его к могиле, насколько достанется при этом его могильщику? Это было чудовищно, но это было, тем не менее, правдой. Кто бы мог подумать, что человеческое существо в подобных условиях иногда может улыбаться и шутить?»

Это — жестокие факты, и они дают нам право сделать вывод, что внутри логики террора человек становится просто сырьём. И даже самая смерть служит рациональной цели и должна использовать ставший лишним человеческий материал: «Немцы стогнали городских евреев в толпы — мужчин, женщин, детей. Взрослых тут же убивали, детей же отдавали отрядам гитлерюгенда в качестве мишеней для обучения стрельбе». (News Bulletin, Representation of Polish Jewry, American Division 1945)

6. Ассимиляция в преследующие

Террористическая система достигает своего апогея, когда жертва перестаёт осознавать разрыв между собой и своими истязателями. В обезчеловечивающей атмосфере тоталитаризма и в следствие краха личности на передний план выступает не сдерживаемый более архаический механизм имитации. Беттельгейм описывает эту последнюю стадию регресса: «Приспособление заключённого к лагерной ситуации достигло своей высшей точки, когда личность изменилась настолько, что он делает ценности Гестапо своими ценностями... Старшие заключённые, склонные к идентификации с Гестапо, делали это не только в смысле агрессивного поведения. Они пытались заполучить части списанной гестаповской униформы... Эта идентифика-

ция заходила настолько далеко, что они пытались подражать даже поведению своих мучителей в их свободное время. Любимой игрой надзирателей было выяснение, кто выдержит больше ударов без сопротивления или крика. Старшие заключённые копировали эту игру, как будто им и так часто не доставалось. Среди прочих аспектов, в которых заключённые мимикрировали под персонал Гестапо, была расовая дискриминация: заключённые перенимали её, хотя она изначально и противоречила их собственной системе ценностей». Пожалуй, ни для какой системы власти нет большего успеха, чем принятие постулируемых ей ценностей и поведенческих масштабов её беззащитными жертвами. Если мы учтём то, что различие в воздействии террора на население внутри и снаружи концентрационных лагерей является лишь вопросом градуса, но не содержания, то мы получаем тут ужасающее доказательство размаха так называемой «проблемы перевоспитания» в Средней Европе, с которой теперь сталкиваются союзники.

После этих размышлений об атомизации индивида — несколько мыслей по поводу последствий террористического режима для общества.

Для режима устрашения характерно, что его методы и практики постоянно наращивают свою действенность, размах и жестокость. Террор воспроизводится посредством того, за счёт чего он живёт — его эксцессы тут же порождают потребность во всё более больших ужасах. Усиливающееся угнетение заставляет жертв отказаться от ожидания окончания страха; им хочется только облегчения. Своеобразная динамика террора поддерживает, таким образом, его суверенность. Его жертвы утрачивают способность представлять себе иной уклад жизни. Они попадают в абсолютную материальную и психологическую зависимость. Они становятся получателями «подачек» — от вознаграждений в рамках акций «Силы через радость» до порций грязной воды и протухшей еды в концлагерях. Тем самым, по моему мнению, объясняется поведение многих немцев по отношению к войскам союзников. Речь идёт о цепочке замороженных реакций. Высокомерная сдержанность с одной стороны и услужливое подобострашие по отношению к военной администрации в то же время являются результатом многолетнего отчуждения от действительно переживаемых ценностей и внутренней твёрдости. Ещё одним последствием этого служит впадение в инфантильную коллективность. Фрагментация посредством устрашения привела практически к полному разрушению старых общественных институтов. Одна из самых тяжёлых тенденций — это подрыв традиционных семейных связей. Преднамеренный произвол террористической иерархии лишил родителей всяческого влияния; государственная полиция учит детей доносить на родителей; молодёжь полностью регламентирована; так называемое «социальное планирование» приводит к переселению крупных групп населения без оглядки на семейные связи — подобно происходившему в самые худшие времена работоторговли. Все эти мероприятия неизбежно вели к подрыву существующих семейных связей и, как следствие, к лишению молодёжи тепла и уюта. Возникает молодёжное коллективное самосознание, лишённое корней и сомнений, в котором концепция семьи замещается имаго циничной, вязкой, разрушительной, беззаботно-жестокой и исполненной предубеждений общности, жутким образом соответствующей Гитлеровскому видению жестоко «укрошённого» и поэтому, в свою очередь, жестокого «сырья».

И, в конце концов, модели устрашения оказываются не без последствий для поведения уже освобождённых групп и индивидов. Не морализируя о легитимности акций возмездия, подобные акции, в какой-либо форме носящие печать террористического, враждебного поведения, служат серьёзной помехой для успешной политики умиротворения и примирения в постфашистский период. Нужно сказать, что та система террора, которую впервые в Западной Европе создал Муссолини, отпраздновала свой мрачный триумф в мстительной оргии, совершённой над телами этого диктатора и его любовницы. Она восторжествовала также и в мстительных нападках на французских женщин, обвинявшихся в интимных отношениях с немецкими солдатами, и которых гнали по улицам под ударами с обритыми головами. То, что один представитель польского подполья представлял себе под «гуманным и законным» переходным периодом после освобождения от нацистского ига, выглядело следующим образом: «Как только немцев победят, необходимо организовать безоглядный массовый террор. „Импортированных“ немцев нужно выселить теми же методами, которые сделали возможным их поселение — при помощи насилия и безоглядной ликвидации».

На вопрос о причинах и корнях террора в современной цивилизации, мне хотелось бы ответить следующими размышлениями:

Человечество стало в результате развитой им самим технологии по большей части лишним. Современные машины и методы организации позволяют относительно маленькой группе разнообразных менеджеров, техников и экспертов поддерживать на ходу всю промышленный аппарат. Наше общество достигло стадии потенциальной массовой безработицы, а массовая занятость — это во всё большей степени продукт манипуляции государственного аппарата, отправляющего неисчислимые людские массы на общественные работы, к которым принадлежат армии и общественные и полу-общественные политические организации, чтобы, с одной стороны, поддерживать их жизни, а с другой — держать их под контролем.

Это означает, что большая часть работников утратила своё творческое отношение к трудовому процессу. Они живут в социальном и экономическом вакууме, становящемся условием подготовки террора. Это — в определённом смысле, провозвестник власти тоталитарных сил и, одновременно с этим, создаёт объект для его тактики. Для этих господ террор служит институционализированной машиной управления для ставших лишними людей и отчуждённой жизни.

Определённые культурные течения, бывшие результатом кризиса либерализма, тоже играют свою роль в становлении этого террора. Под влиянием массового производства люди научились жить по материальным и умственным лекалам и моделям. Они склонны к некритичному перениманию целых мыслительных и поведенческих систем, они как будто не могут противиться предложенному идеологическому наркоту. Так, быть «прогрессивным» означает *ipso facto* быть *за* демократию, *за* политику Новой сделки, *за* чернокожих, *за* евреев, *за* Советский Союз и *за* многое другое; или быть «изоляционистом» — означает или означало быть *против* Англии и *против* России, *против* интеллектуалов, *против* евреев и т.п.

Речь идёт не столько о том, что люди верят в эти стереотипы, а о том, что они сами становятся стереотипическими придатками той или иной культурной или политической монополии. Разум, постоянство, личный опыт потеряли своё значение.

Можно было бы, например, сказать, что больше не осталось истинных антисемитов, т.к. антисемитизм больше не является реакцией на нечто специфически еврейское, а, скорее, моделью поведения в связи с определённым социо-культурным «билетом». Исчезновение истинного опыта в современном мире ещё более усложняет борьбу с искажёнными и лживыми стереотипами и их разоблачение. Культурная монополия, в своём роде, проводит устрашение, которому индивид не сопротивляется. Расхождение между моральными традициями индивидуализма и массовыми преступлениями современного коллективизма изгнала современного человека в моральную пустыню. Кажется, что он ещё держится за такие моральные концепции буржуазного общества, как совесть, приличия, самоуважение, человеческое достоинство, но общественные основания этих концепций пошатнулись.

Дабы привести резкий пример: этический вопрос, о котором речь идёт в «Гамлете» и который считается классическим документом понятия морали в конце Средних веков, это — вопрос о том, можно ли снова «восстановить расштатавшийся век», когда Гамлет становится судьёй и палачом для убийцы своего отца. Пред лицом физической и моральной катастрофы современности моральная дилемма Гамлета выглядит почти смехотворной. Современному человеку более или менее понятно, что его моральные ценности утратили всяческое влияние, ибо от его решений ни в материальном, ни в психологическом плане ничего не зависит. Он чувствует себя одиноким и обманутым своей материальной и психической традицией, которая в либеральном обществе ещё считалась фундаментом его существования. Он исполнен гнева и агрессии, он — потенциальный параноик. В этом состоянии он готов воспринять даже самые безумные идеологии.

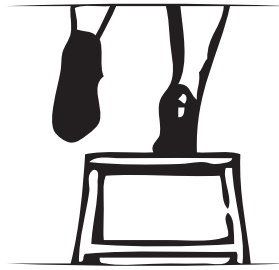
Фашисты первыми осознали связь между потенциальной материальной нищетой и реальным умственным обеднением и первыми использовали её рационально, систематически и неограниченно. Они поняли, что угнетение и контроль над чрезмерным населением возможны лишь тогда, когда в его мозги впечатывается постоянная возможность физической и психической угрозы и когда вся структура традиционной моральных и эмоциональных систем поддержки, при помощи которых люди до сих пор пытались преодолеть личные катастрофы и тяжёлые времена, будет уничтожена. Гитлер сам говорил о необходимости устрашения и жестокости, об этом пишет Раушнинг. Ему вовсе не по вкусу такие вещи как концлагеря и тайная полиция, но они всё-таки неизбежны. «У нас ничего не получится, если мы не будем склонны к жестокости... Господство поддерживается не гуманностью, а преступлениями (в мещанском смысле этого слова). Террор абсолютно необходим для установления любой новой власти... Гораздо важнее террора — систематически менять схемы, по которым масса понимает и воспринимает мир. Следует поработать мысли и чувства людей».

Гегель однажды сказал: «Благословен институт, у которого нет истории». Наш век террора — уже история, причём одна их самых тёмных её глав. Но мечта о свободе и счастье, которую пытается уничтожить террор, тоже — часть истории. И только теоретически и практически нацеленный на корни и последствия террора разум может дать человечеству надежду на высвобождение из смертельной судьбы, в которой оно, как кажется, запуталось.

Мечты западной цивилизации всё ещё могут стать реальностью, когда человечество прекратит рассматривать человеческих существ как никчёмный товар или просто как средство для достижения цели. Если это не удастся, волна террора может захлестнуть и нас.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Лео Лёвенталь
Индивид и террор
1949

<https://liberadio.noblogs.org/?p=2762>

из «Лжепророки. Исследования к фашистской агитации» (Перевод с немецкого – «Untergang der Dämonologien. Studien über Judentum, Antisemitismus und faschistischen Geist», 1990; изначально на английском – Leo Löwenthal: «Prophets of Deceit. A Study of the Techniques of the American Agitator», 1949)

ru.anarchistlibraries.net